

ДИСКУРСИВНАЯ МОДЕЛЬ ЖЕНЩИНЫ В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ПРЕССЕ*

Татьяна Викторовна Дубровская,

Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия,
gynergy74@gmail.com

Статья поступила в редакцию 04.05.2022, принята к публикации 29.08.2022

Для цитирования: Дубровская Т. В. Дискурсивная модель женщины в советской детской прессе // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 36–53. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_36

Аннотация

Цель статьи – выстроить дискурсивную модель женщины в советской детской прессе на материалах журнала «Пионер» 1970–1980-х гг. Автор обращается к объекту исследования в ключе позитивной пропаганды и, опираясь на социальный конструкционизм, дискурс-анализ и мультимодальный анализ, утверждает, что модель советской женщины в детском журнале строилась на основе трех параметров: профессиональный путь, социальная активность, семейная жизнь и личный путь. Репрезентации женщины воспроизводили государственную политику, направленную на ее массовое вовлечение в производство и общественную жизнь. Также женщина представлялась организующим центром семьи и личностью, способной выстоять в самых непростых ситуациях. Эта модель транслировалась посредством различных семиотических ресурсов, включая набор жанров (художественных и нехудожественных) и персоналий, прагматических стратегий, фотографий и иллюстраций. Автором статьи выделяются ключевые стратегии репрезентации: положительно-оценочная, прецизионная, эмоционализации и амбивалентной репрезентации, которые ак-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00775 «Медиатизированная модель советского общества в детской периодике».

© Дубровская Т. В., 2022

туализировались лексическими и грамматическими ресурсами, мультимодальными комплексами, логикой суждений. Стратегическое применение языковых и мультимодальных средств позволяет утверждать, что репрезентации советской женщины в детском журнале играли не пассивную роль, оправдывая социальные ожидания, а сами конструировали социальные нормы и практики. Таким образом, подрастающее поколение получало аксиологически нагруженные репрезентации, которые транслировали модель общественного устройства и роли женщины, отражали реалии современности и одновременно конструировали желаемые образцы социальных практик в соответствии с государственной политикой для взрослых.

Ключевые слова:

советская пресса, детский журнал, женщина, репрезентация, стратегия, модель, гендер.

UDC 304.4

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_36

DISCURSIVE MODELING OF A WOMAN IN THE SOVIET PERIODICALS FOR CHILDREN

Tatiana V. Dubrovskaya,

Penza State University,
Penza, Russia,
gynergy74@gmail.com

Article received on May 4, 2022, accepted on August 29, 2022

For citation: Dubrovskaya, T.V. (2022). Discursive Modeling of a Woman in the Soviet Periodicals for Children. *Discourse-P*, 19(3), 36–53. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_36

Abstract

Based on the data drawn from the Pioneer magazine of the 1970s and 1980s, the author sets the aim to design a discursive model of the woman in the Soviet children's press. The object of study is explored in terms of positive propaganda. Drawing on social constructionism, discourse analysis and multimodal analysis, it is argued that the model of the Soviet woman in the magazine for children was organised around the three parameters: professional activity, social engagement, and family and personal life. The representations of the woman reproduced the state policy aimed at her massive involvement in production and public life. Also, the woman was recognized as an organizing center of a family and a personality capable of being strong and resilient in the most difficult situations. The model was conveyed through various semiotic resources, including a set

of genres (fiction and non-fiction) and personalities, pragmatic strategies, photos and illustrations. The author pinpoints the key strategies of representation: positive evaluation, precision, emotionalization, and ambivalent representation. They were actualized through lexical and grammatical resources, multimodal complexes, and the logic of narrative. The strategic usage of linguistic and multimodal means indicates that the representations of the Soviet woman in the magazine for children did not play a passive role justifying social expectations. Instead, they were employed to construct social norms and practices. Thus, the younger generation received axiologically charged representations that translated the model of the social structure and the role of the woman, reflected the modern realities and at the same time set the desired patterns of social practices in accordance with state policy for grown-ups.

Keywords:

Soviet press, children's magazine, woman, representation, strategy, model, gender.

Введение

Традиционно детская периодика советского времени рассматривается в научной литературе исключительно как инструмент политической идеологии и пропаганды (Каменская, Трофимов, 2012; Remington, 1981 и др.). При этом пропаганда понимается как механизм, который направлен «на создание иллюзорной, параллельной реальности, выгодной пропагандисту, с перевернутой системой ценностей, убеждений, взглядов с целью манипулирования общественным сознанием в интересах узкой группы лиц» (Мельникова, 2010, с. 49). В связи с тем, что за термином «пропаганда» прочно закрепилась негативная коннотация, исследователи стали пользоваться еще одним обозначением – позитивная пропаганда – для характеристики стратегических действий, которые оказывают положительное воздействие на общество (Vişu et al., 2014). Полагаем, что концепция негативной пропаганды значительно ограничивает понимание советских детских СМИ и упрощает принципы общественного устройства, приписывая детским журналам исключительно стремление исказить действительность и манипулировать сознанием в политических целях. Мы обращаемся к объекту исследования в ключе позитивной пропаганды, осознавая в полной мере воздействующий потенциал СМИ, но не считая его деструктивным. Скорее, мы исходим из того, что СМИ сами являются продуктом общественного устройства, в котором функционируют, и поэтому самые лучшие намерения создателей издания не могут реализовываться вне социально-исторического контекста и несут на себе его отпечаток. Иными словами, мы рассматриваем объект исследования в русле социального конструкционизма, который «обращен к способам, посредством которых знание контекстуализировано исторически и встроено в культурные ценности и практики» (Samargo-Borges & Rasera, 2013, p. 2). Конструкционистский подход обуславливает применение критического дискурс-анализа (Fairclough, 2004) и мультимодального анализа, обращенного к визуальным компонентам оформления материалов. Изучение медийных репрезентаций методом дискурс-

анализа позволяет реконструировать общественные представления о разных аспектах социальных структур.

В данном исследовании мы ставим **цель** выстроить дискурсивную модель советской женщины в советской детской прессе. В нашем понимании **дискурсивная модель** – это набор принципиальных содержательных характеристик некоторого объекта социальной действительности и совокупность типичных прагматических и мультимодальных ресурсов (жанров, тем, стратегий, лексических и грамматических средств, иллюстраций), актуализирующих выделенные содержательные характеристики в дискурсе. Из такого подхода вытекает алгоритм работы с материалом, который предусматривает:

- определение журнальных жанров, представляющих фигуру женщины и ключевые аспекты ее жизни;
- выделение основных дискурсивных стратегий и анализ выбора лексических единиц и грамматических конструкций, используемых в суждениях о женщинах и, как следствие, в создании социальных импликаций;
- определение роли иллюстраций, их дискретных элементов и характера их взаимосвязи с текстовым компонентом;
- выявление на основе перечисленных шагов набора принципиальных характеристик обобщенной модели женщины в журнале.

Гендерные отношения в СССР и собственно фигура женщины представляют собой сложившийся и постоянный объект изучения социологов и историков. О существовании исторической феминологии пишет А.Г. Аринов (2021). Издаются зарубежные коллективные труды, в которых обсуждается целый ряд вопросов, связанных с жизнью женщин в СССР: судьбы революционерок, оплата труда, эмансипация, особенности жизни женщин в разных регионах, участие и роль женщин в военных действиях во время Великой Отечественной войны (Ilic, 2018).

Интересна коллекция интервью с советскими социологами, подготовленная британским политологом М. Бакли на закате советской эпохи (Buckley, 1986). Она обсуждает с информантами такие важные для советского общества вопросы, как равенство полов, материнство, участие женщин в производстве, идеалы красоты, семейные отношения, трансформации роли женщины и т. д. Весьма востребован диахронический взгляд на «женский вопрос». О.А. Хасбулатова и И.Н. Смирнова (2022) обсуждают в диахроническом аспекте российскую модификацию женского вопроса, в частности противоречие между юридической нормой о равноправии и социальными установками на традиционное распределение ролей. М.Р. Торбург и С.В. Добронравов (2021) обращаются к эволюции образа женщины-руководительницы в советском кино в связи с историческим контекстом и заявляют о сохранении патриархальных предрассудков в советском обществе, в том числе и воспроизводимых в художественных образах.

Исследователи выделяют разные ролевые модели женщины, такие как женщина-солдат, женщина-мать/работающая мать, женщина-руководитель (Аринов, 2021; Mesroulet, 2006; Фортунатов, Бесчасная, 2022 и др.).

Поскольку в центре нашего исследования находятся медийный дискурсивный конструкт и языковые средства его конструирующие, отдельно отметим в обзоре работы, в которых советская гендерная ситуация изучается посредством анализа медийных текстов. Участие женщин в Великой Отечественной войне

и образ военнослужащих-женщин, как он представлен на страницах советской военной периодической печати, обсуждает А. Г. Аринов (2021). Ученый пишет о значительном сохранении дискриминационных практик, в рамках которых женщину удостоивали только вспомогательной роли в войне. Объемное исследование О. Д. Минаевой посвящено роли женских журналов «Работница» и «Крестьянка» в эмансипации советских женщин на заре советской власти. Анализируя тиражи журналов, особенности их распространения, специфику контента (типичные рубрики и их типичное содержательное наполнение), исследовательница делает вывод об уникальном опыте советской печати, которая сыграла в деле эмансипации женщин «роль катализатора, активно и изобретательно влияя на умы и сердца женской аудитории» (Минаева, 2015, с. 214).

Что касается детских изданий, то проблема гендера исследовалась преимущественно на материале художественной литературы для детей, в том числе в связи с вопросами болезней, футуристической картины жизни, а также способами организации текста (Сенне, 2021; Тернопол, 2021; Сергиенко, 2021). К периодической печати обращается М. А. Сазоненко (2020), которая рассматривает игровые материалы и материалы для творчества в детских журналах разных периодов советского времени и вполне резонно утверждает, что «журналы и газеты в советское время были самым доступным и популярным источником информации и пропаганды для советских детей», а «изменения в области гендерных установок находили свое отражение в мире детства», в том числе в детской прессе (с. 395–396). Исследовательница приходит к выводу о четком гендерном разделении детских игр и видов деятельности и отражении в них доминирующих в обществе гендерных установок (с. 409).

Отметим, однако, что исследователи практически не обращаются к собственно языковым и мультимодальным ресурсам, реализующим издательские стратегии. Полагаем, что изучение этого аспекта детских журналов открывает перспективы для осмысления опыта советского государства и советской повседневности с точки зрения потенциала детской прессы в воспроизведении и конструировании социальных практик.

Источником данных настоящего исследования выступают материалы журнала «Пионер» за период с 1970 по 1988 гг. Эти десятилетия часто выделяются как единый период советского прошлого в рамках разных наук. В зависимости от подхода его характеризуют как время после хрущевской оттепели, период развитого социализма или период застоя. Стремясь избежать применения каких-либо ярлыков, отметим, что для нас важнее единый историко-идеологический контекст, объединяющий эти годы. Надо сказать, что уже в журналах 1987–1988 гг. наблюдается некоторый идеологический сдвиг и отчасти смена тематики и риторики, вызванные процессом перестройки в СССР. Поэтому именно 1988 г. завершает рассматриваемый период. Общее количество исследованных контекстов – 112 шт., включая как текстовые, так и мультимодальные (текст плюс иллюстрация). Из публикаций разных жанров отбирались контексты, содержащие такие репрезентации женщин, которые представлялись нам значимыми с точки зрения актуализации гендерно маркированных социальных практик. В некоторых случаях эти контексты были эксплицитно маркированы как таковые автором или героями публикаций, в других ситуациях мы полагались на интроспекцию. Используемые в статье речевые примеры подобраны

так, чтобы, во-первых, наглядно иллюстрировать выдвигаемые положения и, во-вторых, охватить обозначенный период хронологически. Наблюдения над речевым материалом и иллюстрациями обобщены ниже в форме качественного анализа. Количественный анализ не проводился.

Параметры дискурсивной модели советской женщины

Качественный анализ содержания материалов журнала позволяет утверждать, что целый набор жанров и типов публикаций дискурсивно конструирует советскую женщину. Такие материалы включают как художественные жанры (рассказы, повести, стихи), так и нехудожественные (статьи, заметки, репортажи, календари, письма ребят, рубрики советов и т. д.). Соответственно, объектами репрезентации становятся как вымышленные персонажи, так и реально существующие героини – известные женщины или обычные жительницы страны, чьи истории представлены на страницах журнала. К примеру, в рубрике «Узел связи», посвященной обсуждению непростых жизненных вопросов, заданных ребятами в письмах, опубликован ответ легендарной летчицы В.С. Гризодубовой («Пионер», 1988, № 2), а в рубрике «Пионерский календарь» («Пионер», 1987, № 5) размещен фоторепортаж школьников «День Победы» с портретами неизвестных женщин-ветеранов (Рисунок 1).

9 мая — Праздник Победы советского народа в Великой Отечественной войне

Фоторепортаж «ДЕНЬ ПОБЕДЫ» восьмиклассника Глеба БАБКИНА и Тимура ГРИБА из фотостудии Минского Дворца пионеров и школьников.

19 мая — День рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.
С днем рождения, пионерия!

Рисунок 1 – Женщины-ветераны («Пионер», 1987, № 5, с. 26)
Figure 1 – Women veterans (Pioneer, 1987, No 5, p. 26)

В результате проведенного анализа установлено, что дискурсивная модель советской женщины, конструируемая в журнале, основана на следующих принципиальных параметрах: профессиональный путь и работа, политическая и социальная активность, семейная жизнь и личный путь. Рассмотрим подробнее прагматингвистические и мультимодальные ресурсы, актуализирующие данные содержательные параметры в дискурсе.

1. Профессиональная занятость. Трудовая занятость представлена в журнале как обязательный компонент жизни женщины, что соответствует фактической ситуации в стране. По данным, которые приводит С.Г. Айвазова, «в 70-е годы доля женщин в общей численности рабочих и служащих, достигнув 51 %, удерживается на этом уровне вплоть до конца 80-х годов. Все это двадцатилетие 70–80-е годы 92 % советских женщин трудоспособного возраста работают и учатся»¹. Что касается мест приложения женского труда, то основным местом выступала промышленность. В то же время велик удельный вес женского труда в сельском хозяйстве, здравоохранении, социальном обеспечении, просвещении, культуре, связи, торговле и общественном питании. Таким образом, женщины работали во всех отраслях народного хозяйства и нередко играли решающую роль в качестве основной рабочей силы².

Такая ситуация находит отражение в журнальных репрезентациях. Женский труд представлен как социальная норма, а охват женских профессий широк – от рабочих и сельскохозяйственных специальностей до работы учителями и актрисами.

Публикация под названием «Мамы» («Пионер», 1975, № 3) несмотря на заголовок, подчеркивающий семейный статус женщин, посвящена именно их профессиональной деятельности:

«В самом деле, мамы работают везде. И за что бы они ни взялись, они стараются все сделать как можно лучше. И дома и у себя на работе. И за это многим из них присвоено звание Героя Социалистического Труда <...> Женщин – Героев Социалистического Труда в нашей стране около пяти тысяч. Вот как работают мамы!» («Пионер», 1975, № 3).

Совмещение советской женщиной домашней нагрузки и труда на производстве обсуждалось отечественными и зарубежными социологами и получило название «контракт работающей матери» (contract of the working mother) (Айвазова, 1998; Mespoulet, 2006). В этом отношении показательна иллюстрация к обсуждаемой статье (Рисунок 2). На рисунке видим строгого вида женщину в деловом платье, очевидно, работающую, которая обнимает двух детей, внешне очень похожих на нее. Заголовок статьи, расположенный на этой же странице, эксплицитно маркирует семейный статус женщины, а ниже расположен лид, сообщающий о том, что «XXVII сессия Генеральной Ассамблеи ООН провозгласила 1975 год Международным годом женщины». Таким образом, создается и продвигается вербально-визуальная модель «работающей матери», актуальная для того времени.

¹ Айвазова, С.Г. (1998). *Русские женщины в лабиринте равноправия*. Взято 20 апреля 2022, с <http://www.owl.ru/win/books/rw/index.htm>

² Там же.

Рисунок 2 – Мамы («Пионер», 1975, № 3, с. 12)
Figure 2 – Mothers (Pioneer, 1975, No 3, p. 12)

В своих репрезентациях «работающей матери» детский журнал не делает акцент на сложности совмещения множества обязанностей, не проблематизирует

положение женщин, а продвигает эмоциональный компонент, выражая чувство гордости и восхищения профессиональными успехами мам. В примере, приведенном выше, **положительно-оценочная стратегия** актуализируется посредством выбора лексики с семантикой преодоления (*стараятся*), семантикой успеха (*звание Героя*), а также с помощью восклицательного предложения (*Вот как работают мамы!*), выражающего эмоциональное отношение говорящего к пропозиции высказывания. Кроме того, можно говорить об использовании **прецизионной стратегии**, которая состоит в указании точных цифр (*около пяти тысяч*), придающих вес суждениям автора.

В списке героинь, имеющих почетное звание Героя Социалистического Труда, перечислены поездной диспетчер, аппаратчица консервного комбината, рабочая литейного цеха, строитель, телеграфистка. Однако авторы материала обращают внимание и на возможность карьерного роста женщин в СССР, перечисляя целый ряд названий руководящих должностей:

«Сейчас в Верховном Совете СССР каждый третий депутат – женщина. А в районных и городских Советах – половина женщин. Вы и сами знаете, сколько у нас есть женщин министров, женщин директоров крупных фабрик и заводов, директоров институтов и школ, председателей колхозов» («Пионер», 1975, № 3).

Тем самым выстраивается концепция советской женщины, добившейся успеха своими силами, через учебу и упорный труд. При этом авторы материала подчеркивают и роль государства. Суждение в сослагательном наклонении конструирует альтернативную реальность, в которой у женщин нет возможности для саморазвития и которая противопоставлена советской действительности, описанной уже в наклонении изъявительном:

«Но ваши мамы не могли бы учиться, работать и заниматься государственными делами, если бы страна о них не заботилась, не облегчала их домашние заботы. Мама может спокойно работать, потому что знает, что ее маленькие дочка или сын – в яслях и детском саду. Ей не нужно платить за учебу и лечение своих ребят-школьников...» («Пионер», 1975, № 3).

Независимо от рода деятельности профессиональный путь советской женщины представлен как сложный, но благодарный и приносящий удовлетворение, что соотносится с государственной идеологией о советском человеке, управляющем своей жизнью.

Советская работающая женщина, впрочем, не лишена типичных феминных характеристик. В основе следующего описания рабочей атмосферы на ферме лежит развернутая метафора семьи с обширной положительно-оценочной лексикой (выделена в тексте жирным шрифтом), которая не только выстраивает аналогию «рабочее место = семья», но и создает общую картину благополучия и личного уважения, транслируемую от автора читательской аудитории:

«Наш совхоз «Семяновский» в основном животноводческий. Большая молочная ферма, большое стадо – 1000 коров. И замечательные доярки! Есть среди них такие знаменитые, как Нина Петровна Мирошниченко, делегат XXVI съезда КПСС. Если в среднем доярка надаивает от одной коровы 2600 литров, то наша Нина Петровна не сдаст меньше 3000–3200 литров! На ферме у них тепло, чисто, все доярки живут дружной семьей, ухаживают за животными как-то по-особому, заботливо, и у них телята всегда здоровы» («Пионер», 1982, № 9).

В приведенном примере отметим также применение прецизионной стратегии (1000 коров, от одной коровы 2600 литров, 3000–3200 литров). С точки зрения прагмалингвистики, комбинация прецизионной и положительно-оценочной стратегий позволяет совместить репрезентации фактов с их оценкой.

Труд простых доярок репрезентируется как почетный, заслуживающий уважения и славы, а ссылка на то, что знаменитая доярка является делегатом съезда партии, свидетельствует о признании ее заслуг на государственном уровне.

2. Политическая и социальная активность. Участие женщин в политической и социальной деятельности, в принятии коллективных решений образует еще один важный аспект рассматриваемой модели. Отмечается участие женщин в съездах партии, их членство в Верховном Совете СССР и муниципальных органах управления. Жанры, в которых освещается данный аспект, разнообразны и включают заметки (например, блиц-портрет), статьи, репортажи. В рубрике «Пионерский календарь» нередко размещаются блиц-портреты известных женщин. Это не обязательно современницы, но непременно образцы активных участниц политической жизни страны. Таков портрет М.И. Ульяновой:

«18 февраля – 110 лет со дня рождения М.И. Ульяновой (1878–1937), участницы российского революционного движения, советского партийного и государственного деятеля, сестры В.И. Ленина» («Пионер», 1988, № 2).

Репортаж как жанр, предполагающий личное участие автора в событиях и эффект присутствия для читателя, посвящен текущим событиям. Пример такой публикации – репортаж с XIX съезда ВЛКСМ, участницами которого являются молодые героини:

«Что такое комсомольский съезд? Это торжественные шаги знаменосцев под гулками сводами Кремлевского Дворца съездов. Это взволнованные, горячие голоса делегатов, приехавших в Москву со всех концов страны. Это радость встреч с верными друзьями. Это работа и праздник, это чувство великого общего дела и общей гордости за свою страну, за свой Ленинский Коммунистический Союз Молодежи» («Пионер», 1982, № 9).

Данный текст не несет выраженной информационной составляющей. Скорее, он выполняет эмоциональную функцию – «быть одним из средств выражения чувств и эмоций» (Слюсарева, 1990, с. 565), о чем свидетельствует значительное количество лексических единиц, обозначающих эмоциональные состояния и саму ситуацию (см. выделения в тексте). Диктумная (фактическая) составляющая сведена к минимуму, тогда как отчетливо прослеживается **стратегия эмоционализации**, т. е. намеренное создание модуса эмоциональной экспрессии. Небольшая длина предложений и параллельные конструкции придают тексту динамичность. В тексте ничего не говорится конкретно о женщинах, однако это тот случай, когда дополнительные смыслы несет визуальная составляющая мультимодального комплекса – фотография, иллюстрирующая данный текст. Это изображение трех улыбающихся девушек на фоне Кремля (Рисунок 3).

Текст и изображение образуют единое семиотическое целое, связанное вербальными и визуальными репрезентациями положительных эмоций и локуса, указаниями на организационную символику. Вербальная репрезентация эмоций (взволнованные, радость, праздник) дополнена изображением улыбок, название локуса в тексте (Кремлевский Дворец съездов) подкреплено изображением Кремля на заднем фоне, а принадлежность героинь к ВЛКСМ маркирована

Рисунок 3 – Делегаты съезда ВЛКСМ («Пионер», 1982, № 9, с. 2)
Figure 3 – Delegates of the Komsomol Congress (Pioneer, 1982, No 9, p. 2)

не только вербальной формулировкой (*Ленинский Коммунистический Союз Молодежи*), но и визуально – одеждой делегатов на фото. Именно компания девушек показана в статусе официальных делегатов съезда ВЛКСМ: молодое поколение женщин готово присоединиться к социально активным зрелым женщинам-управленцам.

3. Семейная жизнь и личный жизненный путь. Жизненные истории женщин, представленные в журнале «Пионер», полны трудностей, которые и «выковали» их сильный характер. Советская женщина – это всегда сильная женщина, способная справляться с невзгодами и сохранять при этом бодрость

духа и внутреннего стержень. О непростом жизненном пути детской писательницы Валентины Осеевой – биографический материал, в котором обсуждается в том числе и ее автобиографическое произведение, повесть «Динка»:

«История жизни девочки в годы, предшествовавшие революции, вобрала в себя впечатления умного и внимательного ребенка, жившего в сложное и трудное время <...> Когда думаешь о книгах Валентины Осеевой, очевидным становится, как тесно связаны книги с жизнью автора, с его судьбой» («Пионер», 1986, № 6).

Сильные характеры в сложных обстоятельствах особенно ярко прописаны в художественных произведениях о Великой Отечественной войне или послевоенном времени. В них показано, что тяжесть исторической судьбы Родины легла на плечи самых обычных женщин, которые были вынуждены нести на себе весь груз бытовых и семейных забот, пока мужчины воевали, принимать важные семейные решения, устраивать судьбы детей, оставшихся без родителей после войны.

В рассказе С. Костерина «Дорога к хлебу, или страницы жизни Леонида Каратузова» именно бабушка помогает внуку, потерявшему ноги на минном поле. Лексема «упросила» маркирует действия героини как требующие неоднократных усилий:

«В Ленинграде бабушка упросила принять внука без документов в профессиональную школу инвалидов Отечественной войны» («Пионер», 1975, № 1).

В повести М. Винграновского «Конь на вечерней заре» о военном времени мать пытается поменять предусмотрительно припрятанный керосин на семенную картошку:

«Наверное, эту канистру мамка закопала еще до войны, словно знала, что скоро керосина нигде будет и понюхать» («Пионер», 1987, № 5).

Тексты, не касающиеся обстоятельств войны, также репрезентируют женщину-мать как фигуру, воплощающую повседневные практики воспитания, заботы, тревоги о семье и детях. Очень часто эти материнские практики представлены глазами детей:

«...Мать заходила к нему поправить подушку...» («Пионер», 1988, № 2);

«Мама начала меня утешать, гладить по голове, подтыкать под бока и ноги одеяло, обнимать своими добрыми руками. И хотя мама не пообещала мне, что я буду жить вечно, страх отступил, растворился» («Пионер», 1988, № 6);

«Что-то ты невеселый сегодня, дай-ка я лоб пощупаю», – И прохладная мамина рука мигом определяет, нормальная у тебя температура или нет» («Пионер», 1987, № 7).

Обратим внимание на эпитеты, описывающие мамины руки (*добрые, прохладные*), которые актуализируют положительно-оценочную стратегию.

Наши наблюдения над материалом в значительной степени соотносятся с наблюдениями М. А. Сазоненко (2020), которая отмечает актуализацию «образа женщины-матери, хранительницы домашнего очага, которая происходит после войны и усиливается к позднему советскому периоду» (с. 408).

Советский гендерный порядок имел этакратический характер, т. е. регулировался государством, которое формировало и изменяло соответствующие дискурсы. Об этом пишут в своем исследовании Е. А. Здравомыслова и А. А. Тёмкина (2015, с. 340). «В официальных дискурсах доминирует ин-

терпретация семьи как «основной ячейки» общества, для которой характерно разделение ролей по признаку пола; на женщину возлагаются основные обязанности по воспитанию детей и заботе-обслуживанию» (с. 344). Этот гендерный порядок прослеживается и в публикациях журнала «Пионер». Так, в повести А. Лиханова «Мой генерал» главный герой, ребенок, наблюдает за устройством семьи и распределением ролей:

«Когда папа действительно думает о прочности бетона, мама ему никогда не мешает. Ходит на цыпочках, подносит ручку и бумагу. Папа хочет написать книгу об испытании прочности бетона. Он выводит какие-то формулы, что-то считает, записывает на бумаге каракули, а мама штопает носки и улыбается» («Пионер», 1975, № 1).

Из логики противопоставления действий мужчины и женщины в данном фрагменте складывается достаточно патриархальная картина, в которой умный мужчина занимает главенствующее положение, а послушная женщина облегчает ему бытовое существование. Однако из дальнейшего повествования мы узнаем, что мама – образованный специалист на руководящей должности главного санитарного врача района. Описанная в повести семейная ситуация в целом соответствует общей тенденции советской эпохи: «Советский период в целом характеризуется разделением ролей мужчины как кормильца семьи, чей социальный статус определялся положением на работе, и женщины, также работающей, но основную ответственность несущей за домашнее хозяйство» (Сазоненко, 2020, с. 394).

При сохранении традиционных гендерных обязанностей (домашнее хозяйство и уход за детьми) у советской женщины появляются и новые виды деятельности (карьера, руководство людьми, вождение автомобиля). **Стратегию амбивалентной репрезентации**, суть которой состоит в совмещении в образе женщины традиционных феминных и новых маскулиных характеристик, наблюдаем в эпизоде из повести, когда семья спешит в аэропорт встречать деда:

«Мама сидит за рулем, крутит баранку, хватается за рычаг, которым переключают скорость, и причитает:

– Ну как же так, господи! Стыдища-то какая! Ждали-ждали, а дома пусто! Хоть бы пельменей наvertеть!

На нее забавно смотреть: модный берет на голове, красивый шарфик, покрашенные губы, а баранку вертит, как заправский лихач.

Дорога до города, где аэропорт, ухабистая, с глубокими лужами, полными желтой, глинистой воды. Мамин «газик» рычит на подъемах, нас с папой подбрасывает на рытвинах, но мы молчим – оба в полной маминой власти. <...> Мама газует на полную скорость. Ну, мама!» («Пионер», 1975, № 1).

Феминные характеристики мамы главного героя включают привлекательную внешность (*модный берет на голове, красивый шарфик, покрашенные губы*) и переживания, что она недостаточно внимательна к домашнему хозяйству (*Стыдища-то какая!*). В то же время она решительно, по-мужски ведет машину, о чем свидетельствует выбор лексики (не просто держит руль, а *крутит/вертит баранку, хватается за рычаг, газует, заправский лихач*). Важно, что муж и сын – пассажиры, полностью доверяющие ей (*оба в полной маминой власти*). Восклицание, завершающее описание «*Ну, мама!*», передает восторг и восхищение, эксплицируя стратегию эмоционализации.

Заклучение

Модель советской женщины в детском журнале эпохи позднего социализма, которая строилась на основе трех параметров – профессиональный путь, социальная активность, семейная жизнь и личный путь, в целом соотносилась с амбивалентной гендерной моделью, продвигаемой на государственном уровне. «Контракт работающей матери» требовал от женщины выполнения профессиональных обязанностей, в том числе на руководящих должностях, с одной стороны, и традиционных функций в семье, с другой. Сочетание маскулинных и феминных качеств у женщины, обусловленное государственной политикой, отчетливо прослеживается в материалах журнала «Пионер».

Репрезентации женщины в журнале «Пионер» 1970–1980-х гг. демонстрировали и воспроизводили социальные ожидания, что женщины должны быть сильными, настойчивыми, сохраняя при этом мудрость, способность к сочувствию и моральные ценности. Именно женщина представлена в журнале организующим центром семьи, ее надежной точкой опоры. В то же время стратегическое применение языковых и мультимодальных средств позволяет утверждать, что репрезентации советской женщины в журнале играли не пассивную роль, оправдывая социальные ожидания, но также сами конструировали социальные нормы и практики.

В ходе исследования мы выявили некоторую специфику репрезентаций женщины, характерную именно для детского журнала. Это фокус на отношениях матери и ребенка и, соответственно, представление женщины детскими глазами. Такой подход отвечал не только потребностям государства, отмечавшего важность образа женщины-матери, но и психологии юной читательской аудитории. Женщина-мать – один из востребованных прототипов в журнале. В числе других героинь – исторические фигуры, известные общественные деятельницы, писательницы, современницы.

Поскольку модель предполагает не только набор содержательных характеристик, но и формальную актуализацию, в ходе исследования мы определили, какие прагматингвистические ресурсы задействованы в создании модели советской женщины, дополнив таким образом существующие наработки, касающиеся советской детской прессы. Модель транслировалась посредством целого ряда семиотических ресурсов, включая набор жанров (художественных и нехудожественных) и персоналий, прагматических стратегий, фотографий и иллюстраций. Положительно-оценочная стратегия представляла женщину как объект похвалы и восхищения и реализовывалась посредством выбора лексики с семантикой преодоления и успеха, положительно-оценочной лексики, метафор, лексики, называющей руководящие должности. Прецизионная стратегия, придающая статистическую точность суждениям, реализуется посредством указаний на точные цифры при описании производственных достижений. Стратегия эмоционализации нацелена на создание эмоциональной тональности репрезентаций: от торжественно-возвышенной при описании официальных событий до сочувствия и восторга при описании повседневных и семейных практик. Лексика со значением эмоциональных состояний, параллельные конструкции, небольшая длина предложений, восклицания, а также мультимодальные изображения положительных переживаний – типичные средства эмоционализации. Наконец,

стратегия амбивалентной репрезентации актуализировала государственную политику «контракта работающей матери» и выражалась посредством выбора специфической лексики, обозначающей феминные и маскулинные характеристики женщин.

Таким образом, подрастающее поколение получало аксиологически нагруженные репрезентации, которые транслировали модель общественного устройства и роли женщины, отражали реалии современности и одновременно конструировали желаемые образцы социальных практик в соответствии с государственной политикой для взрослых.

Список литературы

1. Аринов, А.Г. (2021). Участие женщин в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны в советской военной периодической печати. *Женщина в российском обществе*, (4), 136–148. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.4.10>
2. Здравомыслова, Е.А., Тёмкина, А.А. (2015). *12 лекций по гендерной социологии*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
3. Каменская, Е.В., Трофимов, А.В. (2012). Советская пресса «брежневской эпохи» как инструмент формирования биполярной картины мира. *Известия Уральского государственного экономического университета*, (5), 115–121.
4. Мельникова, Т. (2010). Пропаганда как технология политического манипулирования. *Власть*, (8), 47–51.
5. Минаева, О.Д. (2015). *Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920–1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ*. М.: МедиаМир.
6. Сазоненко, М.А. (2000). Гендерный аспект в детской игровой культуре советской эпохи на примере детских журналов (1920–1980 годы). *Художественная культура*, (1), 393–412. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2020-00019>
7. Сенне, К. (2021). Гендер, телесность и болезнь в современной детской литературе. *Детские чтения*, 20(2), 129–154. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-2-20-129-154>
8. Сергиенко, И. (2021). «Гендерная дидактика»: голос автора в советской школьной повести 1960-х – 1980-х гг. *Детские чтения*, 20(2), 96–109. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-2-20-96-109>
9. Слюсарева, Н.А. (1990). Функции языка. В В.Н. Ярцева (Ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь* (с. 564–565). М.: Советская энциклопедия.
10. Тернопол, Т. (2021). «Прекрасное далёко»: гендер в мире будущего в повестях Кира Булычева об Алисе Селезневой. *Детские чтения*, 20(2), 110–128. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-2-20-110-128>
11. Торбург, М.Р., Добронравов, С.В. (2021). Эволюция образа женщины-руководительницы в советском кино. *Женщина в российском обществе*, (3), 127–134. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.10>

12. Фортунатов, В. В., Бесчасная, А. А. (2022). Женщины в государственных органах управления Советской России: с чего все начиналось (Петроград, 1923 г.). *Женщина в российском обществе*, (1), 108–120. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.1.9>
13. Хасбулатова, О. А., Смирнова, И. Н. (2022). Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900–2020). *Женщина в российском обществе*, (1), 3–21. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.1.1>
14. Buckley, M. (Ed.). (1986). *Soviet socialist scientists talking: An official debate about women*. London: Macmillan.
15. Camargo-Borges, C., & Rasera, E. F. (2013). Social constructionism in the context of organization development: Dialogue, imagination, and co-creation as resources of change. *SAGE Open*, 3(2). <https://doi.org/10.1177/2158244013487540>
16. Fairclough, N. (2004). *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London & New York: Routledge.
17. Ilic, M. (Ed.). (2018). *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. London: Palgrave.
18. Mespoulet, M. (2006). Women in Soviet society. *Cahiers du CEFRES*, (30). Retrieved April 20, 2022, from https://www.cefres.cz/IMG/pdf/mespoulet_2006_women_soviet_society.pdf
19. Oprea-Valentin Buşu, O.-V., Teodorescu, M., & Gîfu, D. (2014). Communicational positive propaganda in democracy. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 38, 82–93. <https://doi.org/10.18052/www.scipress.com/ILSHS.38.82>
20. Remington, Th. (1981). The Mass media and public communication in the USSR. *The Journal of Politics*, 43(3), 803–817. <https://doi.org/10.2307/2130638>

References

1. Arinov, A. G. (2021). Uchastie zhenshhin v boevykh dejstviiakh na frontakh Velikoj Otechestvennoj vojny v sovetskoj voennoj periodicheskoj pečati [Participation of women in combat operations on the fronts of the Great Patriotic War in the Soviet military periodicals]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, (4), 136–148. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.4.10>
2. Buckley, M. (Ed.). (1986). *Soviet socialist scientists talking: An official debate about women*. London: Macmillan.
3. Camargo-Borges, C., & Rasera, E. F. (2013). Social constructionism in the context of organization development: Dialogue, imagination, and co-creation as resources of change. *SAGE Open*, 3(2). <https://doi.org/10.1177/2158244013487540>
4. Fairclough, N. (2004). *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London & New York: Routledge.
5. Fortunatov, V. V., & Beschasnaja, A. A. (2022). Zhenshhiny v gosudarstvennykh organakh upravlenija Sovetskoj Rossii: s chego vse nachinalos' (Petrograd, 1923 g.) [Women in the State governing bodies of Soviet Russia: How it all began (Petrograd, 1923)]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, (1), 108–120. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.1.9>
6. Ilic, M. (Ed.). (2018). *The Palgrave handbook of women and gender*

in twentieth-century Russia and the Soviet Union. London: Palgrave.

7. Kamenskaya, E. V., & Trofimov, A. V. (2012). Sovetskaja pressa "brezhnevskoj jepohi" kak instrument formirovanija bipoljarnoj kartiny mira [The Soviet press of the "Brezhnev era" as a tool for forming a bipolar picture of the world]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo e'konomicheskogo universiteta*, (5), 115–121.

8. Khasbulatova, O.A., & Smirnova, I.N. (2022). Jevoljucija zhenskogo voprosa v rossijskom obshhestve (1900–2020) [The evolution of the women's issue in Russian society (1900–2020)]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, (1), 3–21. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.1.1>

9. Melnikova, T. (2010). Propaganda kak tekhnologija politicheskogo manipulirovanija [Propaganda as a technology of political manipulation]. *Vlast'*, (8), 47–51.

10. Mespoulet, M. (2006). Women in Soviet society. *Cahiers du CEFRES*, (30). Retrieved April 20, 2022, from https://www.cefres.cz/IMG/pdf/mespoulet_2006_women_soviet_society.pdf

11. Minaeva, O.D. (2015). Zhurnaly "Rabotnica" i "Krest'janka" v reshenii "zhenskogo voprosa" v SSSR v 1920–1930-e gg.: model' propagandistskogo obespechenija social'nyh reform [The magazines "Worker" and "Peasant woman" in solving the "women's issue" in the USSR in the 1920s – 1930s: A model of propaganda support for social reforms]. Moscow: MediaMir.

12. Oprea-Valentin Buşu, O.-V., Teodorescu, M., & Gîfu, D. (2014). Communicational positive propaganda in democracy. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 38, 82–93. <https://doi.org/10.18052/www.scipress.com/ILSHS.38.82>

13. Remington, Th. (1981). The Mass media and public communication in the USSR. *The Journal of Politics*, 43(3), 803–817. <https://doi.org/10.2307/2130638>

14. Sazonenko, M.A. (2000). Gendernyj aspekt v detskoj igrovoj kul'ture sovetskoj jepohi na primere detskih zhurnalov (1920–1980 gody) [Gender aspect in children's play culture of the Soviet era on the example of children's magazines (1920–1980)]. *Hudozhestvennaja kul'tura*, (1), 393–412. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2020-00019>

15. Senne, K. (2021). Gender, telesnost' i bolezn' [Gender, body and illness in modern literature for children]. *Detskije chtenija*, 20(2), 129–154. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-2-20-129-154>

16. Sergienko, I. (2021). "Gendernaya didaktika": golos avtora v sovetskoj shkol'noj povesti 1960-x – 1980-x gg. ["Gender didactics": The author's voice in the Soviet school novel of the 1960s – 1980s]. *Detskije chtenija*, 20(2), 96–109. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-2-20-96-109>

17. Slyusareva, N. A. (1990). Funkcii jazyka [Language functions]. In V.N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* (pp. 564–565). Moscow: Sovetskaya e'nciklopediya.

18. Ternopol, T. (2021). "Prekrasnoye dalyoko": gender v mire budushego v povestyakh Kira Bulycheva ob Alise Selezbyovoj ["Wonderful far away": Gender study of the future in Kir Bulychev's books about Alisa Seleznjova]. *Detskije chtenija*, 20(2), 110–128. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-2-20-110-128>

19. Torburg, M.R., & Dobronravov, S.V. (2021). Jevoljucija obraza zhenshhiny-rukovoditel'nicy v sovetskom kino [The evolution of the image of a female leader

in Soviet cinema]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, (3), 127–134. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.10>

20. Zdravomyslova, E. A., & Tyomkina, A. A. (2015). *12 leksij po gendernoj sotsiologii* [12 lectures on gender sociology]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Дубровская, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>, email: gynergy74@gmail.com

Information about the author

Tatiana Viktorovna Dubrovskaya, Doctor of Philological Sciences, Head of the English Language Department, Penza State University, Penza, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>, email: gynergy74@gmail.com